
EKATERINA LANKUTS

**MAIN DIRECTIONS OF ENHANCING ENERGY
SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Author affiliation. *Ekaterina LANKUTS (E.A.Lankuts@mail.ru), Belarus State Economic University (Minsk, Belarus).*

Abstract. The article identifies major problems and main aspects of ensuring energy security in the Republic of Belarus; a list of legislative and regulatory legal materials governing the policy of energy saving and energy security of the country is given. The necessity of monitoring energy security according to the key indicators is substantiated; directions for enhancing the energy security in the Republic of Belarus are proposed.

Keywords: energy security; energy saving; energy efficiency; fuel and energy complex; energy security indicators.

UDC 338.24.01

*Статья поступила
в редакцию 04.02. 2019 г.*

В. И. ЕРМОЛОВИЧ

**ОСНОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА
СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И КИЕВСКОЙ РУСИ
(Часть 2. Начало в № 2 2019 г.)**

В статье автором проводится исторический анализ норм уголовного права средневековой Сербии и Киевской Руси. Проанализирован механизм содержания и применения основных видов преступлений и наказаний, таких как убийство, преступления, совершенные против личности, преступления имущественного характера, а также высшая мера и другие наказания за совершенные преступления. Изучен процесс рецепции норм восточно-римского уголовного права в правовую систему средневековой Сербии и Киевской Руси.

Ключевые слова: средневековое право; нормы уголовного права; преступление; наказание; возмещение ущерба; Сербия; Киевская Русь.

УДК 340:343

Источниками уголовного права Древнерусского государства являлись обычаи, правовые акты, такие как Закон Русский, договоры с Восточной Рим-

Виктор Иванович ЕРМОЛОВИЧ (jermalovich7@gmail.com), кандидат исторических наук, доцент кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

ской империей, уставы князей и конечно первый свод законов Киевской Руси, который известен нам как «Русская Правда». Длительное время правовые обычаи были важнейшим источником права восточных славян. И неслучайно, что в древних славянских летописях отражены многочисленные нормы уголовного и уголовно-процессуального права восточно-славянских племен. Значительную работу по выявлению и исследованию уголовных норм в обычном праве Древней Руси провели современные российские ученые В. В. Моисеев и А. В. Серёгин. Благодаря им были выявлены и стали источниками права многочисленные правовые обычаи Древней Руси, например:

1) если схватят вора, то забирают его имущество, а его самого затем отсылают на окраину страны и там наказывают;

2) если женщина, став женой, предается прелюбодеянию, то муж убивает ее, не принимая извинений;

3) если один из них возбудит дело против другого, то зовет его на суд к князю, перед которым они и препираются; когда же князь произнес приговор, исполняется то, что он велит; если же обе стороны недовольны приговором князя, то по его приказанию дело решается оружием (мечами) в поединке [13, с. 25; 14, с. 214].

Значительный материал о древнерусском уголовном праве был выявлен в восточно-славянских летописях, в связи с упоминанием о «Законе Русском» — источнике права восточных славян, который также фигурирует в Договоре Киевской Руси с Восточной Римской империей 911 г. [2, с. 14]. В указанном источнике также изложен ряд норм уголовного права Древней Руси со ссылкой на Закон Русский.

У нас есть серьезные основания считать, что нормы Закона Русского уже на протяжении всего X в. имели правоприменение и на белорусских землях. В пользу этого свидетельствует содержание договора Киевской Руси с Восточной Римской империей 907 г., где были юридически закреплены требования великого князя Киевского Олега в отношении Восточной Римской империи: «И указал Олег дать (своим) воинам на 2 000 кораблей по 12 гривен на уключину, и потом давать содержание прибывающим из русских городов: прежде всего из Киева, а также из Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и прочих городов, ибо по тем городам сидят подвластные Олегу князья» [2, с. 12]. Из этого следует, что значительная часть современной Беларуси, в том числе Полоцкое княжество, уже к 907 г. было в составе Древнерусского государства — Киевской Руси, где основным законом был Закон Русский. Следовательно, мы имеем серьезные основания считать, что на данной территории действовали нормы уголовного права, характерные и для других уделов Киевской Руси. Исторически достоверным является тот факт, что значительная часть территории современной Беларуси уже на рубеже IX—X вв. вошла в состав Древнерусского государства — Киевской Руси. Становление и развитие этого государства стало основанием формирования его правовой системы. По мнению известных историков права С. В. Юшкова, И. В. Петрова, А. В. Серёгина и др., уже к началу X в. оформляется и начинает правоприменяться Закон Русский — высший по своему статусу правовой акт Древнерусского государства — Киевской Руси [15, с. 114; 16, с. 227; 17, с. 123]. На практике это не означало, что прежнее племенное право ушло в небытие; оно продолжало применяться и даже в определенной степени подпитывало сформировавшуюся правовую систему государства, но сфера его применения уже существенно ограничивалась.

Анализ договоров Киевской Руси и Восточной Римской империи 911 и 944 гг., где нашли отражение нормы Закона Русского, позволяют сделать вывод, что уже в начале X в. древнерусский законодатель различал следую-

щие виды преступлений в отношении личности: преступления против жизни человека и преступления против его здоровья [2, с. 13—19]. Например, одна из статей Договора 911 г. гласит: «Если кто убьет, — русский христианина или христианин русского, — да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону. Если же окажется неимущим бежавший убийца, то пусть останется под судом, пока не разыщется, а тогда да умрет» [2, с. 13]. Указанную норму, с некоторыми изменениями мы находим в тексте Договора 944 г.

Изучение фрагментов Закона Русского, которые содержатся в текстах договоров Киевской Руси и Восточной Римской империи, заключенных на протяжении X в., позволяет сделать вывод, что законодатель в рассматриваемый период не выделял еще различные категории посягательств на жизнь человека. В данном вопросе мы солидарны с мнением И. В. Петрова о том, что все преступные деяния, «завершившиеся смертью потерпевшего лица, именовались убийством» [16, с. 233].

Субъектом преступления в X в. мог быть любой подданный великого князя Киевского и в соответствии с нормами, закрепленными в договорах Древнерусского государства — Киевской Руси с Восточной Римской империей, — подданный императора.

Возрастные ограничения в X в. на Руси значения не имели, т. е. в равной степени несли ответственность за убийства как подростки, так и взрослые люди. При этом мы наблюдаем определенные различия в уголовной правосубъектности, которая зависит от материального состояния преступника. Человек «домовитый» в ряде случаев мог откупиться от смерти благодаря своему имуществу, а человек «неимовитый» такой возможности не имел.

В Законе Русском и договорах Киевской Руси с Восточной Римской империей мы находим два вида наказаний за убийства: лишение жизни и конфискация имущества, которые, вероятнее всего, могли совмещаться.

По обычаям тех времен, если человек убивал другого, то его могли лишить жизни на месте совершенного преступления. Об этом свидетельствуют нормы международного договора Киевской Руси с Восточной Римской империей 944 г., где есть прямое указание на то, что это могут сделать родственники убитого лица. Из этого следует, что Древнерусское государство — Киевская Русь в X в. нередко карательные функции в отношении преступников делегировала своим подданным. Например, институт кровной мести наделял родственников убитого лица полномочиями наказать убийцу. В данном случае нельзя не согласиться с мнением российского ученого И. В. Петрова, высказанным в работе «Государство и право Древней Руси (750—980 гг.)», что лишение жизни преступника не считалось уголовно наказуемым деянием и не преследовалось ни законом, ни, тем более, прежними родоплеменными обычаями [16, с. 235]. Однако нередко убийца скрывался с места преступления. В таких случаях производилась конфискация имущества убийцы в пользу родственников пострадавшего лица. При этом осуществлялась конфискация той части имущества преступника, которая не являлась собственностью его жены. Если же родственники убитого не желали ценой имущества подарить прощение и жизнь виновному лицу, то они продолжали поиск и могли убить его в любом месте. Сроков давности в отношении преступлений, совершенных на территории Киевской Руси, в те времена не существовало.

Если же у преступника имущества не было, а сам убийца продолжал скрываться, то его продолжали искать, а обнаружив «злодея», хватили его и казнили.

Наряду с защитой жизни человека, древнерусское законодательство так же заботилось и об охране здоровья подданных государства. В пользу этих доводов свидетельствуют юридические нормы, закрепленные в договорах 911 и 944 гг. Например, в договоре великого князя Киевского Олега, который был заключен с Восточной Римской империей в 911 г. и содержится в Лаврентьевском списке Повести временных лет, находит закрепление следующее положение: «Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим оружием, то за тот удар или битье пусть даст литр серебра по закону русскому (1 литр серебра — весовая единица Восточной Римской империи, которая соответствовала римской либре и равнялась 327,5 грамм — *Е. В.*); если же совершивший этот проступок неимущий, то пусть даст сколько может, так, что пусть снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сумме пусть клянется по своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть не взыскивается с него этот остаток» [18, с. 34].

В договоре 944 г. также содержится аналогичная норма уголовного права [2, с. 18–19]. Объектом преступления в данном случае являлось здоровье человека, поскольку удар мечом или сосудом мог причинить серьезные травмы. При этом дополнительным объектом могло быть личное достоинство пострадавшего лица. Вероятно, законодатель устанавливал, что за любой удар, сильный и не очень сильный, назначалось наказание 5 литров серебра (данная мера соответствует 1 кг 637,5 г современного веса — *Е. В.*). Законодатель исходил из того, что затронуту личное достоинство пострадавшего, поэтому любой удар, вызвавший членовредительские последствия, заслуживал строгого наказания в форме денежного штрафа.

Объективная сторона противоправных действий сводилась к конкретному действию преступника и наступлению определенных последствий в форме ущерба здоровью потерпевшего лица.

Субъектом преступления был любой подданный великого князя. Возрастной ценз не имел значения. Законодательство предусматривало два вида наказания: денежный штраф в размере 5 литров серебра и конфискацию имущества с последующей его продажей. Если преступник был малоимущим и не имел возможности для внесения соответствующего штрафа, то по Закону Русскому с него снимали даже одежду, а неуплаченную сумму прощали после того, как он произносил клятву, что у него нет недостающего имущества.

Наряду с преступлениями против личности, древнерусское право различало несколько видов преступлений против собственности. К ним относились различные формы хищения: кража, грабеж и разбой. Наиболее разработанными в дошедших к нам источниках были кража и грабеж. Во фрагментах Закона Русского, изложенных в Договоре Руси с Восточной Римской империей 911 г., нами выявлены следующие нормы уголовного права: «Если украдет что русский у христианина или, напротив, христианин у русского, и пойман будет вор пострадавшим в то самое время, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и будет убит, то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от русских; но пусть пострадавший возьмет то свое, что потерял» [2, с. 14].

Договор 944 г. внес ряд изменений в наказание за хищение. Смягчив их в отношении более раннего периода, который был отражен в Договоре 911 г. законодатель при этом выделяет два вида кражи: кража челядина и кража с потерпевшего крушение корабля. Например, кража челядина именуется в Тверской летописи «головной татьбой» [19, с. 42].

Договор 944 г. устанавливает, что «аще оукраденъ будтъ челядинъ Роуский... и жаловати начнут Роусь... и да поимуть и в Русь» [16, с. 36]. Прочитанные нами нормы русского и восточно-римского права относятся

к Закону Русскому, поскольку Договор 944 г. отсылает судей непосредственно «к уставу и к закону Рускому», «к закону Руску» при определении степени виновности преступника. Как и в случае с убийством и причинением телесных повреждений, договор отсылает к нормам права, которые содержались в Законе Русском. На это указывает в своей работе И. В. Петров, при этом он обращает внимание на тот факт, что «аналогичные нормы права мы видим и в Русской Правде — они только более детально разработаны, в остальном же сходны с установлениями Закона Русского [16, с. 241].

Древнерусское законодательство уже в X в. отличало кражу от кражи, трансформировавшейся в грабеж.

Кража в понимании того времени — это тайное хищение чужого имущества. Ее объектом были отношения в рамках конкретной формы собственности. Предметом кражи могло быть имущество любой формы владения или собственности. Особо законодатель выделяет кражу товаров с потерпевшего аварию корабля и так называемую головную татьбу.

Нельзя не согласиться с мнением И. В. Петрова, что объективная сторона кражи с точки зрения русского законодателя X в. заключалась в «...тайном, насильственном завладении чужим имуществом» [16, 242], т. е. «тать» совершает свое преступление в отсутствии потерпевшего лица или незаметно от него. В том случае, если он будет замечен и окажет сопротивление, то его «...деяние будет уже квалифицироваться, как грабеж» [16, с. 242].

Мы видим, что уже в X в. кража квалифицируется как окончательное преступление с того времени, когда вор приготовился овладеть чужим имуществом. Следовательно, субъективная сторона кражи характеризовалась как виновное действие в форме прямого умысла. Значит, мотив преступления — корыстный, а цель — незаконное извлечение имущества или прибыли. Субъект преступления — любой подданный великого князя Киевского.

Грабеж законодатель в Законе Русском и правовых актах X в. квалифицирует как кражу с явными насильственными действиями в отношении потерпевшего лица. При этом объект грабежа тот же, что и у кражи.

Объективная сторона заключается в открытом, явном завладении чужим имуществом. Отсюда следует, что первоначально вор рассчитывал остаться незамеченным, однако его обнаружили, и тогда он становится грабителем. «Если же он оказывал сопротивление, опасное для жизни и здоровья собственника, — тогда мы полностью согласимся с мнением И. В. Петрова, что древнерусский законодатель это квалифицировал, как разбой» [16, с. 243]. Однако следует отметить, что различия между этими формами незаконного завладения чужого имущества в праве Киевской Руси играли несущественную роль для определения размеров наказания.

Субъективная сторона кражи и грабежа была сходной. Аналогичным было и отношение к субъекту преступления. Закон Русский определял два вида наказания при названных формах хищения: смертная казнь и штрафные санкции по отношению к лицу, совершившему преступное деяние.

Смертная казнь применялась в соответствии с нормами Закона Русского, когда вор или грабитель, в ходе завладения чужим имуществом, или завладев им, был обнаружен и оказал при этом вооруженное сопротивление. Если же вор или грабитель, будучи схвачен и при этом не оказывал сопротивления, тогда в отношении его применялись штрафные санкции.

Размер штрафа зависел от стоимости похищенного имущества. По договору 911 г. надлежало вернуть не только само имущество, но и две его цены, т. е. в тройном размере. Договор 944 г. уменьшил этот штраф до двух размеров стоимости похищенного [16, с. 244].

При этом следует отметить, что законодательство Киевской Руси формально различало оконченное и неоконченное преступление. Например, в статье о краже и грабеже выделяется действие, квалифицируемое как покушение на преступление и оконченное преступление. Последнее, например, отождествляется с продажей похищенного имущества. Хотя на практике это никакого значения не имело, поскольку вор, овладевший чужой собственностью, мог быть убит собственником имущества, при этом последний от всякой ответственности освобождался. Считалось правомерным лишение преступника жизни на стадии покушения или после совершения противоправного деяния, если он: совершил убийство; бежал с места совершения убийства; пригрозил к осуществлению тайного (кража) или открытого (грабеж, разбой) хищения имущества; осуществил хищение имущества, но не успел скрыться с места преступления [18, с. 50–52].

В первых двух случаях право убить преступника предоставлено родственникам убитого; в двух оставшихся — владельцу собственности. Это их право, но не обязанность. Никто не вправе привлечь их к суду за лишение жизни преступника.

Аналогичные правила мы встречаем и в Русской Правде. Согласно статье 1 Краткой редакции Русской Правды, родственники убитого вправе лишить жизни убийцу, и это будет правомерным деянием. Статья 38 позволяла убить вора «...на своем дворе, либо у клетки, или у хлева» [20, с. 47, 49].

Из сказанного можно заключить, что и Закон Русский, и Русская Правда предоставляли весьма широкие права родственникам убитого в наказании убийцы после преступления. Особенно важно то обстоятельство, что защита жизни и собственности, вплоть до физического уничтожения преступника, позволялась даже на стадии покушения на преступление.

Русская Правда как источник права является логическим продолжением развития основных тенденций в формировании правовой системы Киевской Руси, заложенной в нормах Закона Русского. Уголовное правонарушение в ней не ограничивалось от гражданско-правового. Объектом преступления, как и в Законе Русском, были личность и имущество. Объективная сторона преступления состояла из двух стадий, которые наглядно проиллюстрированы в ст.ст. 9 и 10 Краткой редакции Русской Правды. Первая стадия именовалась покушением на преступление. Ее содержание изложено в ст. 9 указанного источника: «Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тьи гривну положить» [2, с. 27], т. е. наказывался человек, который обнажил меч за незаконную угрозу применения силы. В данном случае — это угроза применения оружия, которую законодатель трактует как попытку совершения преступления. Вторая стадия — это совершенное или оконченное преступление. Например, правовая норма, изложенная в ст. 10 Краткой редакции Русской Правды, гласит: «Аще ли ринеть мужь мужа любо от себе любо к себе, 3 гривне, а видока два выведеть...» [2, с. 27]. В Русской Правде получило дальнейшее развитие представление о превышении пределов необходимой обороны, которое нашло отражение уже в ст. 38 Краткой редакции Русской Правды: «Аще убьютъ татя на своем дворе, любо у клетки, или у хлева, то той убит; аще ли до света держать, то вести его на княжь двор; а оже ли убьютъ, а люди будутъ видели связан, то платити в немь» [2, с. 29]. В данном случае законодатель предусматривает штрафные санкции как за убийство. Для сравнения отметим, что Закон Русский не предусматривал ответственность за убийство даже уже обезвреженного вора.

Субъектами преступления по Русской Правде были все физические лица, включая и холопов. Однако законодатель еще не определился с возрастным

цензом для субъектов преступления. Субъективная сторона преступления знала умысел и неосторожность. Хотя четкого разграничения мотивов преступления и понятия виновности закон еще не знал. Например, ст. 6 Пространной редакции Русской Правды по Троицкому списку гласит: «Если же (кто) совершил убийство открыто во время ссоры или на пиру, то теперь он платит вместе с вервью, (поскольку и сам он) участвует в общинных платежах (дикой) виры» [21, с. 118]. Постановление, изложенное в данной статье, отграничивает убийство, совершенное в общественном месте, на виду у присутствующих лиц, от убийства в разбое, которое совершается, по мнению законодателя, только в корыстных целях. В связи с этим оно расценивается как менее тяжкое преступление и подлежит наказанию в виде виры, уплачиваемой с участием всей общины. Из ст. 7 той же Пространной редакции Русской Правды следует: «Если (кто) совершит беспричинное умышленное убийство... не во время какой-либо ссоры, то за преступника люди не платят виру, а выдадут его самого (вместе) с женою и детьми на поток (для продажи их в рабство — *Е. В.*) и для конфискации всего имущества» [21, с. 118]. Жесткость данной нормы объясняется тем, что убийство, совершенное в разбое, является особо тяжким преступлением. Исходя из этого, преступник не вправе рассчитывать на помощь со стороны общины в выплате виры и поэтому выдается вместе с семьей на поток и разграбление [20, с. 87]. Следуя логике законодателя Киевской Руси, в первом случае мы имеем неумышленное, открыто совершенное убийство, которое произошло еще и «на пиру» — значит в состоянии опьянения преступника, что также, по Русской Правде, является смягчающим обстоятельством. Во втором случае — разбойное, корыстное, предумышленное убийство. Хотя многочисленные примеры из судебной практики показывают, что можно убить умышленно и на пиру, а неумышленно — во время разбойного нападения.

Анализ содержания Краткой и Пространной редакций Русской Правды позволяет сделать вывод, что тяжким преступлением против личности считалось нанесение увечий и иных телесных повреждений. Об этом весьма убедительно свидетельствует ст. 27 Пространной редакции «Русской Правды», которая гласит: «Если же (кто) ударит мечом по руке и отвалится рука, или отсохнет, или отсечет ногу, нос или глаз (выколет), то платить полувирые — 20 гривен, а тому (т. е. потерпевшему) за увечье 10 гривен» [21, с. 121]. В указанной статье Пространной редакции Русской Правды, в отличие от ст.ст. 5 и 6 Краткой редакции Русской Правды, уже нет упоминания об институте кровной мести в отношении случаев, связанных с потерей руки и ноги, как и нет информации о ней вообще [22, с. 149].

От данного вида преступлений законодатель уже отличает в Русской Правде оскорбление действием. В пользу нашего довода свидетельствуют ст.ст. 23 и 25 Пространной редакции Русской Правды. Например, ст. 25 гласит: «Если кто ударит кого-либо батоном, чашей, рогом или мечом плашмя, то платит 12 гривен» [21, с. 121]. Следовательно, оскорбление действием, исходя из норм «Русской Правды», наказывалось более строго, чем легкие телесные повреждения и побои.

Имущественные преступления в Русской Правде существенно не отличались от норм, изложенных в Законе Русском. Хотя наблюдается и ряд нововведений, таких как ответственность за злостную неуплату долга и повреждение межевых знаков. Об этом свидетельствует ст. 73 Пространной редакции Русской Правды, которая гласит: «Если (кто) подрубит дуб со знаменем или межевой, то (платит) 12 гривен штрафа» [21, с. 130]. В данном случае сред-

невековый русский законодатель ведет речь о дубе как наиболее заметном и долговечном дереве, которое служило естественным ориентиром при установлении межи. На эти деревья также наносились и межевые знаки.

В Русской Правде мы уже встречаем ряд юридических нововведений. Одним из них является ограничение права кровной мести. В ней кровная месть уже рассматривается как пережиток первобытно-общинных отношений, которая сохраняется только в отношении убийства и при этом ограничивается кругом ближайших родственников убитого. Кроме того, отсутствие правомочных членов семьи или отказ от предоставленного им права мести влекут за собой взыскание с субъекта преступления денежного штрафа. Денежные штрафы уже устанавливаются и за другие преступления, предусмотренные законом. Следовательно, главной целью наказания, по Русской Правде, становится возмещение материального и морального ущерба. Эти факты свидетельствуют в пользу того, что система наказаний в Русской Правде претерпела существенные изменения по сравнению с той системой, которая была характерна для Закона Русского.

Высшей мерой наказания, по Русской Правде, становится поток и разграбление, который применялся в трех случаях — за убийство в разбое, согласно ст. 7 Пространной редакции Русской Правды, поджог — ст. 83 и конокрадство — ст. 35. Данный вид наказания предусматривал конфискацию имущества и выдачу преступника с «головой», т. е. передачу вместе с семьей в рабство [21, с. 118, 122, 131]. Смертная казнь в законе не упоминается, хотя на практике имела место. Это можно объяснить следующими обстоятельствами: во-первых, законодатель воспринимал смертную казнь как продолжение кровной мести, которую он намеревался устранить; во-вторых, христианская Церковь выступала против кровопролития, т. е. также была противником смертной казни.

Следующим по тяжести видом наказания была вира — штраф, который назначался только за убийство. Вира целиком поступала в княжескую казну. Родственникам потерпевшего лица выплачивалось «головничество», которое по своей величине равнялось вире. Например, ст. 3 Пространной редакции Русской Правды гласит: «Если кто злоумышленно убьет князя мужа, а убийцу (люди) не будут искать, то виру в 80 гривен платит вервь, в которой найден труп убитого; если же (убитый) простолюдин, то 40 гривен» [21, с. 117]. Значит, вира была одинарная (40 гривен) за убийство простого свободного человека и двойная (80 гривен) за убийство именитого человека, т. е. лица с привилегиями.

Кроме того, в Русской Правде существовал еще особый вид виры — «дикая», или «повальная». Данный вид виры налагался на всю общину. Наказание применялось при простом, не разбойном убийстве; при этом община либо отказывалась выдавать своего члена, который подозревался в убийстве, либо не могла «отвести от себя след» (подозрение). Община платила за своего члена только в том случае, если он ранее участвовал в вирных платежах за своих соседей. Институт дикой виры выполнял полицейские функции, связывая всех членов общины круговой порукой. Согласно ст. 27 Пространной редакции Русской Правды, нанесение увечий и тяжких телесных повреждений именовались полувирой. Штраф на виновника, совершившего противоправное действие, которое квалифицировалось как «полувира», составлял 20 гривен [21, с. 121]. Все остальные преступления, совершенные против личности, а также имущественные наказывались штрафом — продажей, размер которой зависел от тяжести преступления и колебался от 1 до 12 гривен.

Больше внимания в законе уделяется охране феодального правопорядка и защите личности и собственности представителей господствующего класса. Например, ст. 83 Пространной редакции Русской Правды гласит: «Если (кто)

подожжет гумно, то (выдать) его на поток (для продажи в рабство, изгнания), а его имущество для конфискации; сначала выплатить (потерпевшему) убытки, а остальным при потоке (продаже в рабство, изгнании) распоряжается князь. Так же поступать, если кто-либо подожжет двор» [21, с. 131]. Практика правоприменения Русской Правды свидетельствует, что за поджог хранилища собранного урожая — гумна или комплекса жилых и хозяйственных построек виновный подвергался потоку и разграблению. Данная архаическая высшая мера наказания, которая получила свое закрепление в Русской Правде, относилась только к преступлениям, которые ставили под угрозу саму возможность существования средневековой русской семьи. По мнению А. А. Зимина, эта статья свидетельствует, что представители господствующего класса добивались принятия постановлений, карающих высшей мерой наказания лиц, пытавшихся открыто выступить против них путем противозаконных действий [22, с. 175].

Факт принятия и правоприменения Русской Правды как источника права является свидетельством становления нового уровня развития феодальных отношений и институтов государственной власти в Киевской Руси.

В X в. в Сербии уже функционировала достаточно совершенная для эпохи средневековья система уголовного права. Данная система была одной из наиболее эффективных в странах средневековой Европы. Она базировалась на славянских правовых обычаях и источниках восточно-римского уголовного права. Базовым источником рецепции уголовных норм для права Сербии в IX—X вв. был восточно-римский источник права — Эклога. В более поздний период основным источником для заимствования уголовных норм в праве средневековой Сербии стали Синтагмы Матвея Властыря. На данном фундаменте в XIV в. появился значительный по форме и содержанию отечественный источник сербского права — Законник Стефана Душана, который оставил значительный след в развитии истории уголовного права стран средневековой Европы. Для сравнения подчеркнем, что древнерусское уголовное право в рассматриваемый исторический период развивалось на основе отечественной правовой традиции. В X в. оно базировалось на основе правовых обычаев и судебной практики восточных славян. При этом следует отметить, что уже в X в. уголовное право Киевской Руси сложилось как цельная система средневекового права, которая именовалась Законом Русским. Данная система права нашла свое признание даже на международной арене, поскольку нормы Закона Русского регулировали положения международных договоров Киевской Руси с Восточной Римской империей — наследницей великих правовых достижений Древнего Рима. Речь идет о Договорах 907, 911 и 944 гг. Принятие и развитие свода законов, именуемых Русской Правдой в XI—XII вв., окончательно сформировало систему средневекового русского уголовного права, практическое действие которого продолжалось 500 последующих лет.

Литература

1. Законик цара Стефана Душана: Барањски, Призренски, Шишатовачки, Раковачки, Раванички и Софијски рукопис / Уредници академици Митар Пешикан, Ирена Грицкат-Радуловић, Миодраг Јовичић. — Београд : Српска академија наука и уметности, 1997. — Књ. III. — 499 с.
 2. *Серёгин, А. В.* Собрание памятников древнеславянского права : в 4 т. / А. В. Серёгин. — Ростов н/Д. : Изд-во Южного федер. ун-та, 2014. — Т. 1 : Юридические источники Древней Руси и Московского царства (X—XVII вв.). — 244 с.
- Seryegin, A. V.* Sbranie pamyatnikov drevneslavyanskogo prava [Collection of monuments of ancient Slavic law] : v 4 t. / A. V. Seryegin. — Rostov n/D. : Izd-

vo Yuzhnogo feder. un-ta, 2014. — Т. 1 : Yuridicheskie istochniki Drevney Rusi i Moskovskogo tsarstva (X—XVII vv.). — 244 p.

3. Vinodolski zakon 1288 g. // Iz pravne istorije naroda Jugoslavije: odabrani izvori / V. Petrić. — Beograd : Izdanja instituta za pravnu istoriju pravnog faculteta u Beogradu, 1968. — 285 s.

4. *Николић, Д. К.* Закон судњи људем: најстарији словенски правни зборник / Драган К. Николић. — Ниш : Универзитет, Центар за византијско-словенске студије, 2016. — 102 с.

5. *Бобчевъ, С. С.* Старобългарски правни паметници : в 2 ч. / С. С. Бобчевъ. — София : Печатница на П. М. Бязайтовъ, 1903. — Ч. 1. — 176 с.

6. *Ермолович, В. И.* Право средневековой Сербии (XII—XV вв.) : моногр. / В. И. Ермолович. — Минск : БГЭУ, 2003. — 120 с.

Ermolovich, V. I. Pravo srednevekovoy Serbii (XII—XV vv.) [Right medieval Serbia (XII—XV centuries)] : monogr. / V. I. Ermolovich. — Minsk : BGEU, 2003. — 120 p.

7. Матије Властара Синтагмат: Азбучни зборник византијских црквених и државних закона и правила. Словенски превод времена Душанова / Издао С. Новаковић. — Београд : Српска краљевска академија, 1907. — 622 с.

8. *Зигель, Ф.* Законникъ благовѣрнаго царя Стефана / Ф. Зигель // Законникъ Стефана Душана. — СПб. : Общественная польза, 1872. — С. 9—115.

9. *Соловјев, А. В.* Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века) / А. В. Соловјев. — Београд : Издавачка књижевница Г. Кона, 1926. — 234 с.

10. *Тарановски, Ф.* Историја српског права у Немањинској држави / Ф. Тарановски. — Београд : Службени лист СРЈ, 1996. — 805 с.

11. *Павловић, М.* Српска правна историја / М. Павловић. — Крагујевац : Издавач Н. Павловић, 2005. — 953 с.

12. Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис : в 3 књ / уредник академик Мехмед Беговић. — Београд : Српска академија наука и уметности, 1981. — Књ. II. — 300 с.

13. *Моисеев, В. В.* История государственно-правовых реформ в России / В. В. Моисеев. — Орёл : ОРАГС, 2007. — 507 с.

Moiseev, V. V. Istoriya gosudarstvenno-pravovykh reform v Rossii [History of state and legal reforms in Russia] / V. V. Moiseev. — Oryel : ORAGS, 2007. — 507 p.

14. *Серёгин, А. В.* Эволюция древнеславянского права (эпоха Средневековья: от общинно-вечевых истоков к крепостничеству) : моногр. / А. В. Серёгин. — М. : ИНФРА-М, 2018. — 324 с.

Seryegin, A. V. Evolyutsiya drevneslavlyanskogo prava (epokha Srednevekov'ya: ot obshchinno-vechevykh istokov k krepostnichestvu) [Evolution of ancient Slavic law (the middle Ages: from communal-veche origins to serfdom)] : monogr. / A. V. Seryegin. — M. : INFRA-M, 2018. — 324 p.

15. *Юшков, С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства / С. В. Юшков // Избранное ; сост. В. И. Лифитский. — М., 2007. — 480 с.

Yushkov, S. V. Obshchestvenno-politicheskiy stroy i pravo Kievskogo gosudarstva [Socio-political system and the law of the Kiev state] / S. V. Yushkov // Izbrannoe ; sost. V. I. Lifitskiy. — M., 2007. — 480 p.

16. *Петров, И. В.* Государство и право Древней Руси (750—980 гг.) / И. В. Петров. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2003. — 414 с.

Petrov, I. V. Gosudarstvo i pravo Drevney Rusi (750—980 gg.) [The State and law of Ancient Rus (750—980)] / I. V. Petrov. — SPb. : Izd-vo Mikhaylova V. A., 2003. — 414 p.

17. *Серёгин, А. В.* Державное наследие Древней Руси: опыт юридического исследования от Скифии до пресечения династии Рюриковичей : моногр. / А. В. Серёгин. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 344 с.

Seryegin, A. V. Derzhavnoe nasledie Drevney Rusi: opyt yuridicheskogo issledovaniya ot Skifii do presecheniya dinastii Rurikovichy [Sovereign heritage of Ancient Russia: the experience of legal research from Scythia to the suppression of the Rurik dynasty] : monogr. / A. V. Seryegin. — M. : Yurlitinform, 2017. — 344 p.

18. Повесть временных лет: Лаврентьевская летопись по академическому списку // Полн. собр. русских летописей. — М. : Изд-во вост. лит. — Т. 1., 1962. — 578 с.

19. Тверская лѣтопись // Полное собрание русских лѣтописей. — СПб. : Археографическая комиссия. — Т. 15, 1863. — 505 с.

20. Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. — Т. 1: Законодательство Древней Руси. — М.: Юрид. лит., 1984. — 432 с.
21. Памятники русского права : в 35 т. — М. : Юрлитинформ, 2013— 2017. — Т. 1 : Памятники права Древней Руси : учеб.-науч. пособие / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова, 2013. — 528 с.
22. Памятники русского права. — М. : Госиздат. юрид. лит., 1952—1961. — Вып. 1 : Памятники права Киевского государства X—XII вв. / сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова, 1952. — 287 с.

VIKTAR YERMALOVICH

**BASIC INSTITUTIONS OF CRIMINAL
LAW IN MEDIEVAL SERBIA AND KIEVAN RUS
(PART 2. SEE THE BEGINNING IN № 2 2019)**

Author affiliation. *Viktar YERMALOVICH* (jermalovich7@gmail.com), *Belarus State Economic University (Minsk, Belarus)*.

Abstract. The author gives a historical analysis of the criminal law of medieval Serbia and Kievan Rus. The mechanism of law enforcement of the main types of crime and punishment, such as murder, offenses against the person, property crimes, as well as death penalty and other forms of punishment for the crimes committed is considered. The process of adoption of the rules of East Roman criminal law in the legal system of medieval Serbia and Kievan Rus is studied.

Keywords: medieval law; rules of criminal law; crime; punishment; compensation for damages; Serbia; Kievan Rus.

UDC 340:343

*Статья поступила
в редакцию 21.05. 2018 г.*

Н. И. РУДОВИЧ, В. С. ТКАЧЕВ

**РАЗВИТИЕ СТРАХОВАНИЯ В
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
БЕЛОРУССКИХ РИЭЛТЕРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

В статье авторы касаются вопросов, связанных с регулированием порядка страхования риэлтерской деятельности в Республике Беларусь. Внесены предложения по совершенствованию белорусского законодательства в указанной сфере деятельности. В частности, в целях поощрения правомерного поведения профессиональных участни-

Николай Иванович РУДОВИЧ (Roodnik@mail.ru), кандидат юридических наук, доцент кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь);

Виталий Сергеевич ТКАЧЕВ, ст. преподаватель кафедры ППФП Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).